

ТРАДИЦИЯ ТРУПООБОЖЖЕНИЯ В ИРМЕНСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Рассмотрен обряд трупобожжения, практиковавшийся у древнего населения ирменской культурно-исторической общности, существовавшей на территории юга Западной Сибири в эпоху поздней бронзы (начало I тыс. до н.э.). Рассматриваются особенности, географическое распространение и истоки данного обряда в культурах развитой и ранней бронзы Западной Сибири. Устанавливается взаимосвязь трупобожжений с другими элементами ирменской обрядности (ритуально-жертвенные комплексы, вторичность большинства погребений). Делается предположение о применении данного обряда в отношении женской части ирменских коллективов. В заключении предлагается гипотеза о том, что наличие подобных погребений является результатом брачных контактов ирменского населения с инокультурными группами и отражает процесс инкорпорации их представителей в ирменскую общность.

Ключевые слова: трупобожжение; погребение; погребально-поминальный обряд; культурно-историческая общность; культурогенез.

В эпоху поздней бронзы (начало I тыс. до н.э.) на территории юга Западной Сибири существовала ирменская культурно-историческая общность. География расселения ирменских коллективов была обширной. К настоящему времени археологами исследовано достаточно большое количество ирменских памятников (включая могильники). Как известно, в погребально-поминальном обряде ирменской культурно-исторической общности стабильно фиксируются следы использования огня [1. С. 105–110]. В настоящее время можно говорить об их следующих разновидностях: 1) разведение кострищ на периферии могильного пространства; 2) разведение кострищ рядом с могилами; 3) использование содержимого поселенческих зольников (вместе с подвергшимися воздействию огня костями животных и фрагментами поселенческой посуды) для оформления сакрального могильного пространства (включая сами погребения); 4) обжигание площадки перед совершением погребения; 5) обожжение черепов (реже скелетов) животных; 6) трупобожжение на месте погребения; 7) кремация на стороне.

В данной работе рассматривается один из вариантов использования огня, а именно трупобожжение на месте погребения. Суть обряда заключалась в том, что над могилой разводился костер, от воздействия которого происходило обугливание останков погребенного (полное или частичное). Костер мог разводиться и рядом с погребением. В этом случае раскаленные угли сдвигались на погребенного. В процессе горения могила засыпалась землей, что не приводило, как правило, к полной кремации трупа.

Обряд трупобожжения известен почти на всех территориях проживания ирменского населения. На территории Томского Приобья обряд трупобожжения фиксируется достаточно часто. По информации В.И. Матюшенко, в ирменском могильнике ЕК-II/5 насчитывается 15 случаев использования огня по отношению к погребенному. «Из них 8 случаев трупосожжений, совершенных на стороне; 5 случаев обожжения, при котором огонь, видимо, разводился на теле погребенного; и 2 случая, когда в могиле зафиксировано присутствие огня, хотя природу его в этих случаях установить не удалось» [2. С. 21]. По нашим

подсчетам, случаев трупобожжения в могиле насчитывается 13 (22%) в восьми курганах. Половина этих курганов содержала «следы» ритуально-жертвенных действий (кости животных, керамика, скопление древесных углей, бронзовые предметы). В.И. Матюшенко отмечал, что кости обожженных скелетов либо найдены в беспорядке, либо плохо сохранились [2. С. 6–21]. В качестве сопроводительного инвентаря в могилах находились: керамические сосуды (пять могил); черепа и кости животных (четыре могилы); бронзовые вещи (браслет, бляшки, лезвие ножа, кольцо). Достоверно только одна могила в могильнике ЕК-II/5 может быть определена как женская.

На других территориях обряд трупобожжения применялся реже. На территориях Омского Прииртышья и Барабинской лесостепи этот обряд применялся в могильниках Преображенка-III, Калачевка-II, Батаково-XXI и Боровянка-XXVII [3. С. 135; 4. С. 125–201; 5. С. 72–78; 6. С. 112–125; 7. С. 69–77]. В наиболее представительном по количеству ирменских погребений могильнике Преображенка-III 9,9% погребенных имеют следы трупобожжения. Под насыпями семь (из восьми) курганов с трупобожжениями зафиксированы «следы» ритуально-жертвенных действий (прокалы от кострищ, керамические сосуды или их фрагменты, кости животных). В семи погребениях кости имеют следы разрубания. Пять погребенных определены как «вторичные». Семь погребенных (из 11) были снабжены керамическими сосудами, а в двух могилах с погребенными находились женские украшения (гвоздевидные подвески, наконечники). Находки позволяют предполагать, что это были женщины или дети. Во всех трех могильниках Омского Прииртышья такие погребения были зафиксированы в курганах с квадратными ровниками и следами ритуальных действий в пределах курганного пространства (керамика, кости животных, прокалы).

На территории Кузнецкой котловины погребенные со следами трупобожжения известны только в двух могильниках – Сапогово-I и Заречное-I [8. С. 80–81; 9. С. 72–86]. Кроме того, в могильнике Танай-VII золистые пятна, перекрывавшие погребения, зафиксированы в четырех курганах [10. С. 224–230; 11. С. 4–34]. Вместе с тем этот элемент погребального обряда здесь

достаточно заметен (Сапогово-I – 9,23%, Заречное-I – 8%). Наиболее ярким примером является курганный могильник Сапогово-I, где семь погребенных были подвергнуты трупобожжению. Интересно, что подобные захоронения присутствовали только в так называемых многомогильных «длинных» курганах (курганы 7 и 19), под насыпями которых фиксировались «следы» ритуально-жертвенных обрядов (ямы, кости животных, среди которых челюсти лося, коровы, развалы керамических сосудов, угли и прокалы, отдельные бронзовые вещи). При этом останки почти всех погребенных находились в анатомическом порядке. Можно утверждать, несмотря на отсутствие антропологических определений, что почти все эти погребения были женскими. Это подтверждается наличием сосудов в четырех могилах и типично женским набором вещей (крупные бляхи, накосники, браслеты), наряду с кольцами и бляшками-пуговицами.

Стоит отметить, что курган 7 могильника Сапогово-I представляет собой целый комплекс женских и детских захоронений. И именно здесь нашли свое проявление огненные ритуалы, выраженные не только в обряде трупобожжения, но и в кремации на стороне, а также наличие кострищ на площади кургана. В целом можно сказать, что женские захоронения, имеющие следы трупобожжения, являются наиболее снабженными инвентарем, «богатыми» (могильник Сапогово-I, курган 7, могилы 9, 10; курган 19, могила 12).

В настоящее время на территории Алтайского Приобья вскрыто более 200 погребений на 16 памятниках, относимых исследователями к ирменской культуре. И здесь также погребения со следами трупобожжения единичны. Наиболее типичен данный элемент погребально-поминального обряда для могильника Телеутский Взвоз-I (три могилы из семи). Исследователи как особенность памятника справедливо отметили особую роль огня в погребально-поминальном обряде [12. С. 93–103].

Встречены трупобожжения и в могильнике Плотинная-I (6,25%). А.П. Уманский в одной из первых публикаций материалов могильника Плотинная-I упоминает только об одном случае трупобожжения (из 48 погребений) [13. С. 22–26]. Однако описание погребений этого могильника позволяет говорить уже о трех таких могилах (могилы 9, 12, 13, не считая двух обожженных черепов животных из коллективной могилы 26). Во всех трех случаях над могилой был разведен костер, следы которого в виде обугливания фиксируются на костяках погребенных. Единичны такие погребения в могильниках МГК-I/5 и Фирсово-XIV [14. С. 79–84; 15. С. 131]. Аналогична ситуация на территории Новосибирского Приобья, где трупобожжения эпизодически встречены в могильниках Милованово-I, Спирино-I и Ордынское-I [16. С. 41–51; 17. С. 139; 18. С. 92].

Таким образом, учитывая значительное количество исследованных к настоящему времени ирменских некрополей (включая достаточно крупные), представляется, что обряд трупобожжения нельзя считать типичным для ирменской обрядности. Встречаясь на всех территориях распространения ирмен-

ской культурно-исторической общности, он локализуется в небольшом количестве могильников, составляя, впрочем, заметную черту погребально-поминального обряда. Наиболее характерным данный обряд является для некрополей тех районов, где происходило этнокультурное взаимодействие ирменского населения и населения так называемых андронидных культур (сузгунской, еловской, корчажкинской), либо традиции этих культур оказали значительное воздействие на ирменский культурогенез.

Сама традиция трупобожжения для территории Западной Сибири является автохтонной и зафиксирована специалистами, занимавшимися исследованием различных культур ранней, развитой и поздней бронзы (елунинской, кротовской, самусьской, еловской). На территории Томско-Нарымского Приобья данная традиция оказалась довольно устойчивой и сохранилась до этнографической современности. Г.И. Пелих в монографическом исследовании «Происхождение селькупов», анализируя древние элементы в материальной культуре нарымских селькупов, приводит информацию о том, «что этнографические сведения о данном обычае (обжигание трупа сверху) нам удалось собрать даже в середине XX века» [19. С. 8, 224, 242]. Обычай заключался в том, что умерших селькупов (как томские и саянские карагасы) подвешивали на деревьях в берестяных конвертах или мешках. Через определенное время, после разложения мягких тканей, останки погребали в земле, перед этим обжигая их прямо в могиле.

Проведенный анализ погребений с трупобожжениями показал, что абсолютное их большинство представляет собой разрушенные либо так называемые вторичные погребения. Впрочем, это не исключает вариативности данного обряда. Так, в могильнике Сапогово-I, напротив, почти все погребенные, обожженные прямо на месте захоронения, сохранили анатомический порядок. Причем обращает на себя внимание и такая вариация этого обряда, как частичное трупобожжение. В этом случае лишь отдельные кости скелета имеют «следы» воздействия огня.

Интересно и то, что большая часть таких погребений обнаружена в курганах, под насыпями которых зафиксированы следы различных ритуально-жертвенных действий (кости, черепа и зубы животных, кострища, керамическая посуда, бронзовый инвентарь). При этом большая часть таких курганов содержала более трех погребенных. Вероятно, такие погребальные площадки функционировали значительный период времени для совершения новых захоронений. Важно отметить и то, что имеющиеся палеоантропологические определения, а также достаточно условные определения по сопроводительному инвентарю демонстрируют принадлежность таких погребений преимущественно женской части ирменских коллективов. Однако, что заставляло «ирменцев» применять по отношению к ним этот обряд, пока не ясно. В качестве гипотезы можно предположить, что наличие подобных погребений является результатом брачных контактов ирменского населения с инокультурными группами и отражает процесс инкорпорации их представительниц в ирменскую общность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковалевский С.А. О роли огня в погребально-поминальной обрядности населения ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. 2010. № 4–2 (68). С. 105–110.
2. Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. 120 с.
3. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
4. Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-III – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск : Наука, 1988. С. 125–201.
5. Труфанов А.Я. Ирменский курган могильника Калачевка-II // Древние погребения Обь-Иртышского междуречья. Омск : Изд-во ОмГУ, 1991. С. 72–78.
6. Погодин Л.И., Полеводов А.В., Плешков А.В. Курганный могильник Батаково-XXI – новый погребальный памятник сузгунской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : ОмГУ, 1997. С. 121–125.
7. Полеводов А.В. К характеристике погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам курганного могильника Боровянка-XXVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Концепт, 2008. С. 69–77.
8. Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ села Сапогово // Труды ККАЭЭ. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1996. Т. 1. 206 с.
9. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск : Наука, 1997. 132 с.
10. Бобров В.В., Мыльников Л.Н., Мыльников В.П. Изучение курганного могильника Танай-VII в полевой сезон 2001 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАиЭт СО РАН, 2001. С. 224–230.
11. Бобров В.В., Мыльников Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2004. С. 4–34.
12. Папин Д.В., Грушин С.П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-I // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2004. С. 93–103.
13. Уманский А.П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтай. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 1972. С. 22–26.
14. Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2001. С. 56–68.
15. Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Новые материалы эпохи поздней бронзы из могильника Фирсово-XIV (предварительное сообщение) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова : материалы Всерос. науч. конф. Омск : ОмГУ, 2000. С. 130–132.
16. Новикова О.И. Могильник ирменской культуры Милованово-1 // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск : НГПУ, 1995. С. 41–51.
17. Зубова А.В., Галямина Г.И., Шишкин А.С., Волков П.В., Назарова Л.В. Посмертные трепанации у носителей ирменской культуры (по материалам могильника Спирино-I) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. Новосибирск : НГПУ, 2015. С. 136–142.
18. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1993. 182 с.
19. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 423 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 июня 2016 г.

THE TRADITION OF BURNING CORPSES IN IRMEN FUNERAL AND MEMORIAL RITES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 409, 68–71.

DOI: 10.17223/15617793/409/10

Sergey A. Kovalevskiy, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: koval71@mail.ru

Keywords: burning of corpses; funeral; burial and funeral rites; cultural-historical community; cultural genesis.

The article studies the corpse burning ceremony of the ancient population of Irmen cultural-historical community that existed in the southern territory of Western Siberia during the Late Bronze Age. Specific features, the geographical range and sources of this ceremony in the cultures of the developed, Early and Late Bronze of Western Siberia are considered (Eluninskaya, Krotovskaya, Samus, Elovskaya). A conclusion that the ceremony of corpse burning is autochthonic for the territory of Western Siberia is drawn. In the territory of Tomsk and Naryn Ob this tradition was quite steady and was preserved until the ethnographic modernity, which is confirmed by the research of G.I. Pelikh. Considering the significant number of the Irmen necropolises investigated so far (including rather large ones), the ceremony of corpse burning cannot be considered typical for Irmen ceremonialism. The ceremony is observed in all territories of the Irmen cultural-historical community, yet it is localized in a small number of burial grounds as a noticeable feature of burial and funeral rites. The ceremony is most characteristic for necropolises of areas where there was an ethnic and cultural interaction of the Irmen population and the population of the so-called andronoid cultures (Suzganskaya, Elovskaya, Korchazhkinskaya), or traditions of these cultures made a considerable impact on the Irmen cultural genesis. The analysis of burials with burnt corpses has shown that their absolute majority represents destroyed or so-called “secondary” burials. It is established that most part of such burials is found in barrows in which traces of various ritual and sacrificial actions are fixed (bones, skulls and teeth of animals, campfires, ceramic ware and bronze stock). At the same time, most part of these barrows contained more than three buried bodies. It is suggested that such funeral platforms functioned as sites for new burials for a considerable period of time. It is important to note that the available paleoanthropological definitions and rather conditional definitions by the accompanying stock show that burials with burnt corpses mainly belong to the female part of the Irmen people. However, what forced the Irmen people to conduct this ceremony with females is not clear yet. A hypothesis is suggested that the existence of such burials is the result of marriage contacts of the Irmen population with foreign culture groups, and it reflects the process of incorporation of their representatives in the Irmen community.

REFERENCES

1. Kovalevskiy, S.A. (2010) Role of Fire in Funeral Ceremonies of the Population of Irmenskaya Cultural and Historical Community in the South-Western Siberia. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – The News of Altai State University. Ser. History*. 4–2 (68). pp. 105–110. (In Russian).

2. Matyushchenko, V.I. (2006) *Elovskiy arkhologicheskiy kompleks. Chast' tret'ya. Elovskiy II mogil'nik. Kompleksy irmeni i rannego zheleznogo veka* [Elovskaya archaeological complex. Part Three. Elovskaya II cemetery. Complexes of Irmen and Early Iron Age]. Omsk: Omsk State University.
3. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
4. Molodin, V.I. & Chikisheva, T.A. (1988) Kurgannyi mogil'nik Preobrazhenka-III – pamyatnik kul'tur epokhi bronzy Barabinskoy lesostepi [Burial mounds Preobrazhenka-III as a cultural monument of the Bronze Age of the Baraba forest-steppe]. In: Alekseev, V.P. (ed.) *Paleoantropologiya i arkhologiya Zapadnoy i Yuzhnoy Sibiri* [Paleoanthropology and Archaeology of Western and Southern Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
5. Trufanov, A.Ya. (1991) Irmenskiy kurgan mogil'nika Kalachevka-II [Irmen burial mound Kalachevka-II]. In: Matyushchenko, V.A. (ed.) *Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya* [Ancient burials of the Ob-Irtysh interfluvium]. Omsk: Omsk State University.
6. Pogodin, L.I., Polevodov, A.V. & Pleshkov, A.V. (1997) Kurgannyi mogil'nik Batakovo-XXI – novyy pogrebal'nyy pamyatnik suzgunskoy kul'tury [Burial mound Batakovo-XXI as a new funerary monument of Suzgun Culture]. In: *Chetvertye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [The fourth historical readings in memory of M.P. Gryaznov]. Omsk: Omsk State University.
7. Polevodov, A.V. (2008) K kharakteristike pogrebal'nogo obryada naseleniya lesostepnogo Priirtysh'ya v epokhu pozdney bronzy – kanun rannego zheleznogo veka (po materialam kurgannogo mogil'nika Borovyanka-XXVII) [On the characterization of the funeral rite of the population of the Irtysh forest-steppe in the late Bronze Age – the eve of the early Iron Age (based on burial mound Borovyanka-XXVII)]. In: Shamshin, A.B. (ed.) *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy* [Ethno-cultural processes in the Upper Ob and neighboring regions at the end of the Bronze Age]. Barnaul: Kontsept.
8. Ilyushin, A.M., Kovalevskiy, S.A. & Suleymenov, M.G. (1996) Avariynye raskopki kurganov bliz sela Sapogovo [Emergency excavation of mounds near village Sapogovo]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Trudy KKAEE* [Works of Kuznetsk complex archaeological ethnographic expedition]. Vol. 1. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
9. Zakh, V.A. (1997) *Epokha bronzy Prisaial'ya (po materialam Izylinskogo arkhologicheskogo mikrorayona)* [The Bronze Age of Trans-Salair (based on archaeological Izylinskiy district)]. Novosibirsk: Nauka.
10. Bobrov, V.V., Myl'nikova, L.N. & Myl'nikov, V.P. (2001) Izucheniye kurgannogo mogil'nika Tanay-VII v polevoy sezon 2001 g. [The study of burial mound Tanay-VII in the field season of 2001]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAE, SB RAS.
11. Bobrov, V.V., Myl'nikova, L.N. & Myl'nikov, V.P. (2004) K voprosu ob irmenskoy kul'ture Kuznetskoy kotloviny [On the question of Irmen culture in Kuznetsk basin]. In: Koryushin, Yu.F. (ed.) *Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy* [Arid Zone of the south of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University.
12. Papin, D.V. & Grushin, S.P. (2004) Irmenskiy kompleks na pamyatnike Teleutskiy Vzvoz-I [Irmen complex at the monument Teleut vzvoz-I]. In: Koryushin, Yu.F. (ed.) *Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy* [Arid Zone of the south of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University.
13. Umanskiy, A.P. (1972) Mogil'nik karasukskogo vremeni u st. Plotinnaya po avariynym raskopkam 1968 goda [Burial of the Karasuk time near station Plotinnaya in emergency excavations in 1968]. In: Sergeev, A.D. & Umanskiy, A.P. (eds) *Arkheologiya i kraevedenie Altaya* [Archaeology and Regional Studies of the Altai]. Barnaul: Altai State University.
14. Kungurov, A.L. & Papin, D.V. (2001) Mogil'nik-5 arkhologicheskogo kompleksa Malyy Gon'binskiy Kordon-I [Burial-5 of the archaeological complex Malyy Gonbinskiy Cordon-I]. In: Koryushin, Yu.F. & Tishkin, A.A. (eds) *Problemy izucheniya drevney i srednevekovoy istorii* [Problems of studying ancient and medieval history]. Barnaul: Altai State University.
15. Shamshin, A.B. & Tsivitsina, O.A. (2000) [New materials of the Late Bronze Age from burial Firsovo-XIV (preliminary report)]. *Pyatye istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [The fifth historical readings in memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Proceedings of the All-Russian Conference. Omsk: Omsk State University. pp. 130–132. (In Russian).
16. Novikova, O.I. (1995) Mogil'nik irmenskoy kul'tury Milovanovo-I [Burial Milovanovo-I of the Irmen culture]. In: Molodin, V.I. et al. (eds) *Arkheologiya vchera, segodnya, zavtra* [Archaeology yesterday, today and tomorrow]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
17. Zubova, A.V. et al. (2015) Posmertnye trepanatsii u nositeley irmenskoy kul'tury (po materialam mogil'nika Spirino-I) [Posthumous trepanation of the Irmen culture representatives (based on burial Spirino-I)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoy Sibiri i na sopredel'nykh territoriyakh* [Archaeological surveys in Western Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
18. Matveev, A.V. (1993) *Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e* [Irmen culture in the forest-steppe Ob]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
19. Pelikh, G.I. (1972) *Proiskhozhdenie sel'kupov* [Origin of Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 16 June 2016